

ИНГА
МАКСИМОВСКАЯ

ИЗМЕНА.

СПИСОК
БЕЗУМНЫХ ПОСТУПКОВ

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Инга Максимовская

Измена. Список безумных поступков

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68973276

SelfPub; 2023

Аннотация

Как пережить измену любимого мужа? Составить список безумных поступков, которые помогут его забыть. И отомстить. Главное не сворачивать с намеченной цели, даже если тебе на пути постоянно попадается другой мужчина, мешающий исполнять задуманное... И чем ближе цель, тем больше сомнений – а на того ли жеребца я поставила.ь

Содержание

Пролог	4
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	32
Глава 7	37
Глава 8	44
Глава 9	49
Глава 10	56
Глава 11	62
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Инга Максимовская

Измена. Список безумных поступков

Пролог

Благими намерениями выстлана дорога в Ад .

1. Устрицы

2. Перепела в сельдереевом пюре (Из ресторана. Готовить нет ни сил, ни умения)

3. Шампанское (охладить)

4. Купить лед.

5. Свечи с ароматом мускуса, кожи и черной орхидеи (видела в торговом центре)

Это должен был быть сюрприз. Точнее не так – СЮРПРИЗ. Я долго думала, что надеть. Но потом решила... Бант. Просто бант.

Праздничная лента, перетягивающая мое тело, которое я мечтала подарить своему невероятно любимому мужу. Моему единственному. Моему навсегда первому. МОЕМУ.

Чертова неделя в разлуке казалась вечностью. И как я была счастлива, что последний концерт нашего оркестра отменили. У меня появилась возможность вернуться домой на

два дня раньше. Только тссс. Это секрет.

Итак, все готово. Остался Бант.

Глава 1

Дорогая свеча потрескивает на комод, создавая эффект живого огня. Камина у нас пока нет, но это дело наживное. Пламя, словно живое, играет в серебряном блюде, заполненном моллюсками и лимоном. Красиво. Я сижу на столе, в самом его центре, красиво выгнувшись и смотрю на часы. Андрей задерживается и меня это не то что злит. Скорее, раздражает. Запотевшее ведро с бутылкой Брюта внутри начинает течь прямо на белоснежную скатерть, оставляя на ней противные пятна. Но это мелочи. Я представляю взгляд, которым с меня сдерет атласные путы мой муж, и боюсь, что уподоблюсь чертову ведрю. Смешно. Тело дрожит от нетерпения. Возбуждение пробегает по венам короткими импульсами.

Когда ключ наконец-то скрежещет в замке, я нахожусь на грани. Бедро в сторону, прогиб в талии, волосы рассыпаются по плечам. Щекотно.

– Жопочка, пахнет бомбически. Ты готовился, мой бу-сенька романтический?

Чужой голос звучит автоматными очередями.

– Ты ж моя фантазерка, писюлька. Это просто запах того, что я с тобой сейчас сделаю, – бархат любимого баса. – Но, я тебе обещаю...

Дверь в холл распаивается настежь. Я не успеваю даже

среагировать, так и сажу в позе «развратной русалки». Но возбуждение испаряется, когда в мою, с любовью и надеждой подготовленную сказку, вваливаются два сплетенных тела, срывающих с себя одежду на ходу. Сердце пропускает удары.

Мой муж. Чужая женщина. Они впились друг в друга, срослись.

– Кто это, Жопочка? – на меня смотрят красивые женские глаза, опущенные шикарными ресницами. Дорогими. Мне любимый не разрешил такие. Сказал, что женщина должна быть естественной. Эта... Эта не естественная никаким местом.

– Да, Жопочка, скажи своей даме, кто перед ней, – нервно кривлю губы, соскакиваю на пол, сдираю со стола противно намокшую скатерть. Наготу надо прикрыть. Пол ледяной, меня тошнит, в голове колотят литавры.

Андрей стоит, как соляной столб. Надо же, мой самоуверенный муж сейчас не похож на brutального самца.

А я? На кого похожа я сейчас?

– Вера, – хрипит Дюша. Мой родной, понятный, такой любимый. Черт, я ошибаюсь во всех эпитетах сейчас. – Ты же на гастролях?

– Правда? Кстати, а почему Жопочка? – перевожу взгляд на красотку, которую ситуация, кажется, даже забавляет. Хотя, я ошибаюсь, наверное. Глаза бегают, уголок гелевых губок дергается нервно.

– Попа у него, как орех, – красивый голос. С хрипотцой.

Секси-шмекси. Грудное контральто.

– У него еще кое что орех. Мозг, – приподняв подбородок, ухмыляюсь я. Надо же. Мне не свойственна стервозность. Но сейчас... Сейчас из меня лезет что-то черное, ужасное. Наверное, это нормальная реакция на ситуацию. Наверное, наверное, наверное. – Только этим я могу объяснить тот факт, что муж мой приволок в семейное гнездо шалаву с восхитительным прозвищем. Знаете, я боюсь даже спрашивать про Писюльку. Но вы с фантазией, конечно, ребят.

Я не знаю, как поступать в таких случаях. Мне больно. Страшно, будто режет кто-то невидимый тупым, зазубренным мачете. Надо же, какие фантазии.

– Вера, это не то что ты подумала, – глупо. Боже, как в комедии абсурда. А что же это? Наверное, коллега по работе зашла на рюмочку кофе, споткнулась и упала прямо на... На...

– Да, я ошиблась, дорогой Жопочка. Акелла промахнулся. И это так... Прискорбно.

Резко развернувшись, медленно иду к выходу. Еле ноги переставляю, путаясь в скатерти. А хочется бежать, сломя голову. Только бы подальше от этого чертова дома. Моего дома, который я выпестовала, выстрадала, вымеряла до сантиметра. Чтобы было красиво и уютно. Чтобы наша семья жила в красивом мире. Чтобы было куда принести наше с Дюшей продолжение когда нибудь.

– Вера, ну куда ты в таком виде? Веруня, ну прости ме-

ня. – Дюша успевает перехватить меня прямо возле двери. – Детка, это впервые в жизни. Я не хотел...

– Бес попутал, да? Только вот такие милые прозвища не бывают в одноразовых отношениях. Не стоит делать из меня дуру, – поднимаю глаза, страшно не желая видеть проклятую морду изменщика. – Иди в жопочку, Дюша. Документы на развод получишь от адвоката. Видеть не желаю твою похотливую рожу. Милый, я не на помойке себя нашла.

– Да, там тебя нашел я. Где бы ты была, дура? Мусолишь дудку свою за копейки. Сама виновата, идиотка.

Ого. Вот это да? Он злится? Сам козел, а виновата я? Я виновата в том, что он...

– Это кларнет, – шиплю, выставив подбородок. Главное не заплакать, не доставить удовольствия прелюбодеям.

– Вот и соси свой кларнет. Мы с тобой пять лет прожили, пять, сука лет. А ты замерла в своей дурацкой девственности, которую мне презентовала с гордостью в первую брачную ночь ровно эти же пять гребаных лет назад. И все. Все, понимаешь? Ты ледяная болванка. Да, мне захотелось разнообразия. Захотелось секса орального, игр в койке, сиськи большие захотелось. Захотелось. Я мужик. А ты пресная клуша. За пять лет не выросла из стыдливости своей.

– Сиськи? Я думала моя грудь тебе нравится, ты же говорил. Ты козел и трус. Да, я не знала в своей жизни кроме тебя ни одного другого мужчины. Это что теперь? Недостаток? Я же только тебя... Черт, – плюнула я. – Ты мог бы претензии

мне высказать в лицо. Мог бы за пять лет... Мы бы обсудили все. Сам говорил, что ценишь естественность во мне. Ну ты и...

Возвращаюсь в комнату. Почти бегом. В горле ком, болючий и яростный. Устрицы? О да. Афродизиак же. Ну что ж, я ж музыкант. Последний аккорд, как же не сыграть?

– Совсем охренела? – истерично рычит мой коварный изменщик, глядя, как я замахиwaюсь серебряным блюдом.

– Ты хотел огня, дорогой? – всхлипнув бросаю свой снаряд. Устрицы разлетаются в стороны. Блюдо ударяется в стену. Так, шампанское. Трясу бутылку, не сводя взгляда с соперницы, сидящей на диване. Она вся скукожилась, растеряла свой лоск. Пробка с грохотом вылетает из горлышка.

– Вера, твою мать, – ревет Андрей, прицельно получив в свой высокий, многоумный лоб. Ну все, теперь мне точно пора.

– Через два дня, чтобы вас тут не было. Квартира эта моя. И половина фирмы твоей, дорогой, – уже от двери говорю, даже не повернувшись в сторону мужа и его пaссии.

– Развод не получишь, – кричит мне в спину Дюша. Мой Дюша. – И квартиру эту тоже. Ты моя жена.

Поднимаю к потолку кулак с выставленным вверх средним пальцем.

Глава 2

Ни хера себе подарочек. Голая баба, развалившаяся на асфальте. Там у нее под спиной что, крылья что ли? Черт, видится же такое со страха. Нет. Просто обрывки какой то тряпки. И тело ее, такое же белоснежное, не кровью залито, просто перетянута... Лентой? Атласной лентой? И бант на... Прямо на... Да на лобке, блин. Черт, как он там держится? Не в косу же она его вплела. Из груди рвется нервный смех. А вот в трусах. Сука, в трусах зреет буря в пустыне. Прав дед, надо свои причиндалы хранить не в боксерах за пятьсот баксов штука, а в семейках из «дышащего» сатина. Я уж не знаю, чем там дед дышит. Но, он же мудрый Каа, наверняка прав.

Мне показалось сначала, что вижу призрак. Ну да, из темноты прямо мне под колеса бросилось нечто завывающее, в развевающемся балахоне. Потом удар был. Я успел подумать, что призраки бесплотны, ударил по тормозам. Дедов драндулет, только что забранный мной из сервиса, натужно заскрипел но встал, как вкопанный. Черт, у старика странное желание коллекционировать уродливые совдеповские тачки, хотя при желании он мог бы себе собрать автопарк покруче чем у Рокфеллера. Но дед упрямо собирает ведра с болтами, как например эта «Шеха», из которой я выпал, загибаясь от лютого ужаса.

– Эй, – голос мой дрогнул. Девка вылупила на меня свои глазища, цвета речного льда. Слава богу, жива. – Эй, вы в порядке?

– А видно, что в порядке? – простонала эта ненормальная, сморщившись, как будто хапнула полстакана скипидара.

– Я вызову скорую, – тупо хрюкнул я, силясь отвести взгляд от чертова банта, алеющего в полумраке уличных фонарей, прямо между раскнутых в стороны, стройных ножек чертовой куклы. – И полицию. Ты же явно от кого-то убежала. Ты в беде?

Нет, на шлюху, презентованную в подарок какому-то извращуге, куколка не похожа. Хотя, хрен там сейчас разберешь, этих баб платных. Если и проститутка, то, наверняка, дорогая. Бант этот еще... «Дружок» мой вот вот прорвет ткань на джинсах. Интересно, сколько стоят ее услуги?

– Я убегала от Жопочки и Писюльки, – бля, повезло. Она не проститутка. Похоже, баба то из дурки сбежала. Тогда ясно, почему она была завернута в простыню. – И не смотрите на меня так. Я в своем уме.

Розовый язычок пробегает по пересохшим губкам, а у меня в голове гудят трубы, предвещающие скорый армагеддон. Мне кажется, я уже где-то видел этот рот. Только в прошлый раз губы эти сжимали странный мундштук... Сука, не помню. Может в клубе? Кальян? Я ... Черт, черт, черт. Я что? Я в трусы что ли спустил? Что за тупость, я же не прыщавый подросток.

– Эй, вы нормальный? – пробивается сквозь гул в моих ушах голос, будто присыпанный перцем.

Нет, в свете того, что произошло секунду назад, я наверняка ненормальный. Мне пора туда, откуда сбежала эта Сирена с бантом на письке. И закрыли ее в дом с мягкими стенами явно из-за ее умения сводить мужиков с ума. В средние века эту овцу уже бы сожгли на костре инквизиторы, если бы смогли дотащить ее до площади, не обкончавшись до безумия, и не начав кривляться в плясках святого Вита.

– Да, да, нормальный.

– Слушайте, мне действительно нужна помощь. Просто подвезите меня, – чертов лед запускает в мой воспаленный мозг очередные свои разрушительные чары. Кутается в свою простыню, которая разодрана в клочья, и сквозь прорехи проглядывающая прозрачная ее кожа смотрится еще более возбуждающе. – Я заплачу. Вам ведь не помешают деньги, бензина для своей «ласточки» купите. Да и капот... Слушайте, а сейчас ремонтируют вообще такие машины?

– У тебя нет кошелька, или ты его прячешь под бантом? – о да, я не ненормальный. Нет психических отклонений. Просто дурак. – Натурой платить будешь?

– Так, все, – она поднимается с земли с явным трудом. Ого, попка вся содрана. В голове моей гремят литавры, в штанах готовится очередной взрыв водородной бомбы, по разрушительности способный смести этот чертов квартал к гребаной бабушке. – Придурок.

– Ведьма, – хриплю, глядя на жопу сумасшедшего подарочка, похожую сейчас на... На... – Куда пошла? А вдруг Жопа и Писюлька тебя настигнут в темной подворотне.

Она что сейчас сделала? Я не понял. Это что она мне показала? Фак?

В один прыжок оказываюсь возле нахалки. Она шипит как кошка, оказавшись на моем плече. Это была моя ошибка. Тактическая и фатальная. Ободранная ягодица оказывается прямо возле моей нервно дергающейся щеки. Девка пахнет сексом. Нет. Не так. Она воняет СЕКСОМ. Мне нельзя ехать с ней в одной машине. Но я все равно тащу ее, как неандерталец заваленного мамонта, прямоком к дедовой лайбе. Может, в багажник сунуть ее, во избежании, так сказать? Сунуть... Сунуть, мать ее.

– Тронешь меня, я тебе...

– Да нужна ты больно, – фыркаю я. Боже, пусть ей недалеко ехать надо.

– Калинина пятнадцать. И без глупостей, – стонет девка, когда я садистски бросаю ее на велюровое сиденье «Шестерки» прямо разодранной жопой. Спасибо тебе, Господи. Я буду послушным, буду кушать овощи и перестану ходить по злачным местам. Адрес, названный этой ведьмой, выжигается в памяти каленым железом. И он совсем рядом, в паре кварталов. Я не успею рехнуться, оманьичиться и ... Надо заехать в магазин, купить трусов. Семейных. Размера икс сайз. Фулл сайз.

– Тут остановите, – приказывает чертова кукла. – И машина у вас...

– Что, слишком бомжацкая? – ухмыляюсь я. Наконец-то она покажет мне сейчас свое настоящее лицо. – Не для таких мама ягодку растила, да?

– У моего папы первая машина такая была. Голубая. Цвет такой красивый. Я любила дверцу изнутри рассматривать. Там, внизу, на кармане для мелочей, узор. Если по нему провести пальцем, то кажется... – задумчиво шепчут ее обветренные губки. Черт, трусов придется брать две упаковки. – У вас ручка есть?

– Зачем?

– Номер оставлю. Я вам машину помяла. Да и за проезд заплачу. Или лучше вы мне дайте ваш номер телефона. Мой телефон остался там... Не важно.

А я не помню свой номер. Просто из головы выветрилось все нужное. Литаврами нахер выбило. Еще немного и превращусь в слюнявого идиота.

– Ну хорошо. Это номер моей подруги, – выдыхает она, открывая дверцу. Чертов клочок бумаги падает на опустевшее сиденье. Господи. Спасибо тебе. Безумие вошло в стадию ремиссии.

Глава 3

– Бант? Реально? Верка, где ты нахваталась этой пошлости? – ржет Мака, вытирая слезы кулачком. – И к чему ты его привязала? О боже. Только не говори...

– Я сделала лазерную эпиляцию, – соплю обиженно. Этот нахал из дешевой тачки тоже спросил меня про косы. Черт. Он же все рассмотрел, пока я валялась перед ним, раскорячившись, как раздавленная лягушка. И даже раздражение под бантом от чертова лазера, наверняка. Какой кошмар. – А бант... Ну, на двухсторонний скотч прилепила. Строительный купила, чтоб держалось лучше. Ну чего ты ржешь? Сама же говорила, что нужно разнообразие, – всхлипнула я. Обижаться на подругу, к которой я ввалилась поздно вечером, обряженная в обрывки льняной скатерти, с разодранным задом, вся в слезах, ну согласитесь как-то совсем уж по свински. Сейчас, приняв ванную, я почувствовала себя человеком и... – А в глянцевоm журнале, Лопотков в статье своей описал варианты сюрпризов, которые должны приводить любого мужика в восторг. Ну я и...

– А, ну если Лопотков, – шмыгнула носом Мака, откинувшись на спинку стула. Вообще-то подругу мою зовут Машка, и старше меня она на пятнадцать лет. Ну, так вышло. Но я ее очень люблю, хотя бы даже за то, что знаю – не предаст, не бросит, приютит и даст дельный совет. – Знаешь, Верунь,

боже тебя упаси, не читай перед завтраком глянец, в котором какой-то там Лопотков, учит баб делать сюрпризы и е... ба-ста, короче.

– Других то нет.

– Вот никаких и не читай. А если Лопотков тебе скажет, что изменщика простить надо, ты тоже... ? Что? Боже, Верка, в кого ты такая блаженная?

– В чем-то Дюша прав, – вздохнула я, вспомнив шелковые волосы моей соперницы, рассыпавшиеся по белоснежным плечам, блестящие в свете моей свечи, как набриноленные. И красное кружево, проглядывающее в вырезе дорогой блузы на ее шикарной груди. Я по всем фронтам проигрываю и отступаю. К горлу снова подскочил противный ком.

– Ага, в том, что ты клуша, – рывкнула Мака, сунув мне в руки пузатый бокал. Я бездумно сделала огромный глоток. Задохнулась, закашлялась. Огненная волна прокатилась по пищеводу, грохнулась в желудок раскаленным комом. Но стало легче моментально.

– Знаешь, я не прощу его, конечно, – прошептала, вертя в пальцах фужер. Интересно, если добавки попросить, может, вообще забуду я свой сегодняшний позор? По крайней мере, болеть наверняка станет меньше. И душа, и жопочка, блин. – Точнее, не так. Я отомщу. Потом изменюсь так, что этот Жопочка приползет ко мне на коленях. И вот тогда... – пьяно проныла, растирая по лицу злые слезы рукавом Машкиного халата. Но сначала...

– Ты составишь список, как обычно? Только вот маркерами не выделишь умные поступки и гордость свою, так и знай. Подумай, Верунь,— хмыкнула Машуля. – Мужики не меняются. Они или козлы, или нет. Я сбежала от своего, с младенцем на руках, Котьке года не было. Сбежала, потому что поняла, что черного кобеля не отмоешь до бела. И ни разу не пожалела. А ты собираешься плясать нижний брейк на садовом инвентаре, дурында. Да я бы на твоём месте не стала ждать, чтобы отомстить. Дала бы прямо в нищенской тачке тому бомбиле, который тебя ко мне привез. Он, кстати, как? Ничего был? Симпотный?

Ага, симпотный. Обычный похотливый мудака. Ещё и не достигший ничего в жизни. Абсолютный ноль. Зерро.

– Именно, что ничего, – фыркнула, нюхая пустой бокал из-под коньяка. – Ни-че-го. До Дюши ему как до луны. Неудачник, с ширинкой колом. Но ты права. Отомстить, стать красивой и роковой, оставить Жопочку с голой жопой. А потом... Слушай, я его все ещё люблю, – прорыдала я в фужер.

– Я тебе такого не говорила. Совсем наоборот, Верка. Эх... Скажу Котьке, чтоб постелил тебе в гостиной, – вздохнула Машка.

Костик – Машин двадцатилетний сын, похожий на Дольфа Лундгрена. Мускулистый красавец, блондин, двух метров роста. Гордость мамина, студент, спортсмен, красавец. Везет ей. У неё есть он. Мужчина, который никогда не предаст. Не

наставит рога с шикарной профурой. Не бросит в болезни и здравии. Я поплелась спать, зализывать раны и жалеть себя, но вырубилась, едва коснувшись головой, заботливо впихнутой в чистую наволочку, подушки.

Бом-бом-бом. Мне показалось, что начался Армагеддон. Поверьте, музыканты воспринимают звуки гораздо более болезненно. Особенно такие громкие. Я с трудом разлепила глаза, и села на неудобном ложе, силясь понять, где я. Диван. Черт... События вчерашнего вечера свалились на мою большую голову каменной лавиной. Я упала обратно на подушку и застонала.

– Теть Вер, я стучал, – сунул нос в комнату Костик. Блин, ну какая я тетя ему? Я старше то всего на шесть лет. – Тетя Верочка, там тебя ищет мужик какой-то. Ты сегодня прямо на расхват, – хохотнул великовозрастный «Дубинушка –ребенок», – то Дюша твой приперся, так мать такого пендаля ему ввернула, даже я восхитился. Теперь громила какой-то нарядный. Пинжак аж прямо лоснится денежкой. Говорит, ты у него что-то забыла в машине. Бант вроде какой-то.

– Пусть идет... на ху... – прохрипела я, пытаюсь сообразить, как этот нахальный мерзавец вычислил адрес Маки. Неужели... Он что, за мной проследил? Гребаный маньяк. Чертов проклятый маньячелло. И Дюша еще... Да что ж происходит то с моей жизнью? И Дюша... Он же такой обидчивый. Черт. Мака вечно сует свой нос куда ее не просили. Боже, это же полнейший крах всего. Всех моих надежд и чая-

ний. Ну да, я представляла, как мой муж, осознав горькие ошибки, валяется в моих ногах, плачет. А я... А что я?

– Куда? – залучился улыбкой мой крестник. – Боже. Теть Вер, ты выучила плохие слова? Придется мыть тебе рот мылом. Помнишь, ты говорила мне...

– Пусть идет на хутор, ловить бабочек. Хотя стой. Дай ему денег, за проезд и за капот. Я верну.

– Ага, мать мне оставила тугрики. Только это... Ты уверена, что этому франту нужны твои нищенские полушки? У него ботинки...

– Коть, умоляю. Просто отдай ему деньги и все. Парень на «шестерке» ездит. Ну с рынка поди прикинулся, мало ли подделки сейчас хорошей. А бант пусть себе оставит, на память, – уныло вякнув, я нырнула головой под подушку. Чертов бант все таки отвалился. Говно скотч был. Оооооо. Точно рот надо мыть. И мозг полоскать. И не мылом, а белизной.

Глава 4

Это какой-то абсурд. Я? Следил за этой овцой? Нет конечно. Просто, как настоящий мужчина, решил удостовериться, что эта дербалызнутая голышка доберется до места, не словив приключений на свою разодранную задницу. А что? Голая баба, завернутая в лохмотья – лакомый кусочек для упырей всех мастей, обитающих в кущах городских джунглей. Местный бомонд наверняка не дремлет. Короче, дабы не случилось непоправимого.

Да, я крался как тать в ночи, пробиваясь сквозь колючий кустарник, потому что когда я предложил себя в провожаемые, эта «Бантастая» так на меня посмотрела, что кровь в жилах превратилась в гудрон.

Да, я полз в кустах, в духе Чикатило, обдирая в кровь морду об шипастые ветви. Потому что... Потому что мы в ответе за тех, у кого в башке кисель, а на письке бант.

И совсем я не собирался узнавать, где живет ее подруга. Просто подъезд запомнил, а потом, совершенно случайно, обратил внимание в каких окнах свет вспыхнул, когда она позвонила в домофон, и подвывая, заскулила. Да точно случайно.

– Мака, это я, Вера.

У нее замечательное имя, а главное – редкое. Тьфу ты, черт бы меня подрал. Вера – холера.

И на кой черт я приперся сюда сегодня с утра пораньше? Нет у меня ответа на этот вопрос.

– Нет ее, – поморщился амбал, распахнувший дверь перед моим носом с такой силой, что меня чуть не снесло, а я не былинка на ветру. Да уж, подружка у овцы, что надо. Тонна стероидного мяса, с мордой убийцы. Зашибись Мака. – И вообще, какого хрена тебе тут надо, мужик? Ты ж не бомбила. Точно, в таком то костюме. Не за тремя копейками же пришел, которые мне тебе передать велено? Хотя, не тебе наверное.

– Мне нужно отдать ценный бант, – ухмыльнулся я, прикидывая свои шансы. Шкафы, как известно, громко падают. Но этот Мака... Что-то мне сейчас подсказывало, что я просто не больше одного тридцатисекундного раунда в схватке с этим гоблином блондинистым. И что только эта малышка нашла в парне? Вспомнился мем про банан и хомячка. Стало мерзко. В крови забурилась злость.

– Котик, кто там? – раздался из недр квартиры знакомый голос. Немного надтреснутый, грудной. Твою мать, котик? Что она там мне рассказывала вчера про коварного изменщика мужа? Точнее, что она там ныла бессвязно? Похоже, парочка то у них была обоюдо-трахливая на стороне. Горшок и крышечка с бантом. Сука, что я вообще тут делаю? Ситуация – почувствуй себя долбачом, начала входить в стадию невозврата. В кармане завибрировал мобильник. Слава богу.

– Не знаю. Агент 007 не иначе, в таких то педалях, – оза-

даченно потер переносицу амбал. Да уж, интеллектом парнишка не блещет. Зато другим то наверняка. Тем, что гораздо ниже головы без мозга и чуть ниже пупа. Говорят у стероидных «васёк» не маячит. Черт, о чем я думаю вообще? Если бы это было так, то Верунчик, навенряка, не осталась бы тут на ночь. Бля, я совсем умом поплыл. Стою и на серьезных щах рассуждаю об эрекции стероидного? Пипец.

– Передай ей, – рявкнул я, бросив в качка писечный бант. Звонок телефона меня вернул в мое нормальное состояние. Состояние делового козла, руководящего огромным концерном, наследника миллиардного состояния, любимого внука дедули-олигарха. Любимого и единственного – Мака, блин.

– Я не...

Слушать я не стал. Господи, спасибо тебе, дед.

– Алло, – проорал в трубку, сломя голову сбегая по ступеням.

– Сегодня совет директоров. Надеюсь, ты не забыл? – прокаркал дед. Черт, конечно я забыл.

– Нет, помню, – вру. В противном случае меня дед испепелит. Силой мысли, или чего там у него еще есть в арсенале.

– Значит, через пять минут ты будешь сидеть в центре собрания на лобном месте? – ехидный голос старика сочится сладким медом, от которого у меня сегодня точно случится приступ изжоги. – Зал для совещаний полон, внучек.

– Буду, – выдыхаю я, подбежав к любимой машине. – Дед, тут такое дело. Тачка твоя...

– Вова, у меня пять водителей. Я никому не доверил первую, сошедшую с конвейера в семьдесят шестом году «шестерочку». Ее полировали попками зайки плейбой на выставке в Италии. Если ты ее...

Эх, дед, ее попкой полировала девка с бантом на таком месте, которое ты видел у женщин в последний раз лет тридцать назад. Черт. Сегодня я просто молодец. Мо-Ло-Дец.

– Все дед, некогда мне, – малодушно буркнул я. Что со мной дед сделает за свою «ласточку» представить страшно. По крайней мере, моей фантазии вряд ли хватит. – Паркуюсь.

– Я не договорил. Вова.

– Ну что еще?

– Сегодня приедет к тебе менеджер камерного оркестра из консерватории. Подпишешь договор. Хочу чтоб на моем «ебилее» играла классическая музыка. Реквием хочу. Лебедя умирающего там, сонату лунную, слышишь?

– Дед, выпиши себе венский оркестр. На хрена тебе эти криворукие дудочники? И что за репертуар? – зло прорычал я, колотя пальцами по рулю. Охранник снова не поднял шлагбаум сразу. Уволю на хер. И начальника безопасов тоже. Суки рваные. Глянул на часы. До собрания три минуты.

– Привыкать пора, Вова. Хоть послушаю, как они лабать будут на моих похоронах. У нас с этим оркестром уже подписано соглашение о траурном марше. Репетируют, дудочники. Но девки там щеки раздувают зачетно, – хохотнул дед.

Щеки. Дудки. Мундштук. В башке заметались странные образы, которые я так и не смог собрать в единую картину и в мысль оформить. Вдавил в пол педаль газа. Тяжелый джип сорвался с места, скрипя покрышками. До совещания осталось три минуты. Шлагбаум с грохотом упал на землю, вырванный с корнем. – Оркестровый в час придет. Будь любезен... – впился в мозг голос деда.

Ага. Буду. Буду, мать его. И может тогда выкину из башки эту тупую девку, стероидного бугая. А главное – БАНТ. Нет, не так. Я куплю себе дорогую бабу, приклею ей бант, а потом...

В штанах снова стало тесно. Да уж, если я явлюсь на собрание совета директоров с торчащим колом членом, произведу фуррор. Что ж, лишний стимул подчиненным не ослаблять булки. Точно, дождусь эту «Дуделку оркестровую» и по бабам. По платным, жадным, дорогим шлюхам. Таким же, как эта льдистоглазая ведьма, пропахшая благовониями, мускусом ... Сука.

Глава 5

Список суперважных дел:

Записаться на курсы минета (нашла один в интернете. Предлагают скидку в 30%. Помониторить еще. Уточнить по ценам и инвентарю)

Посетить секс-шоп. (Покупка инвентаря для курсов, и какой-нибудь штучки для развития в себе чувственности)

Начать практиковать упражнения Кегеля (Дюша охренеет, когда узнает. Если узнает)

Записаться на прием к пластическому хирургу. Тема – увеличение груди (уточнить цены. Выяснить степень опасности для организма. Согласиться на операцию)

Сходить на мужской стриптиз (в идеале приват. Но посмотрим, насколько хватит финансов)

Уговорить Маку сходить со мной на стриптиз

Приготовить что-то из паблика «Интимная кухня».
Попробовать. Постараться выжить.

Встретиться с юристом. Тема – «Как оставить без штанов любимого предателя».

Убить

Четвертовать

Колесовать

Выгнать из моей квартиры мерзких прелюбодеев нахер.

После разгона тварей упиться (до соплей в идеале)

Заняться сексом с первым встречным (почти невыполнимо. Я брезглива и боюсь заразы)

Пока все. Список будет дополняться

Как там говорится? Мстя моя будет страшна? О, да.

Я аккуратно убрала в кофр для кларнета свернутый лист бумаги и свой любимый «Паркер» и устала на стоящего возле моего пюпитра Бориса Капитоныча, в простонародьи Капитошку. Так его зовут все участники нашего оркестра. Наш бессменный дирижер-руководитель сегодня не орал, как бизон, не топал ножками и даже лысину платочком не протирал, а просто скромно промакивал. Странно, чего это с ним? Боже, неужели он видел, что я писала в своем списке? Ооооо.

– Неверова, – просипел Капитоныч, нервно дернув тройным подбородком. – Заинька, рыбонька, котенька.

– Вы здоровы? – боже. Наверняка не здоров. Судя по трясущейся губе, рукам подрагивающим и красной гипертонической физиономии.

– Приболел, – дыхнул на меня адским выхлопом дирижер. – Мигренью маюсь и люмбаго. Я собственно, что хотел то...

Ну все, мне конец. Обчно после вот таких заплывов в ширину, Капитошка дает нам задания, сравнимые с трудом Си-

зифа, прущего в гору огромный булыжник. Сегодня сия восхитительная участь настигла меня. Мало мне своих несчастий.

– Поедешь на подписание контракта. Там заказ хороший. Верунь. Денежек получим. Купишь конфетку себе, – просто-на-на толстяк.

– Ага, Чупа чупс, и мы потом всем оркестром будем сосать, а я не умею, – хмыкнула я, но этот старый лис услышал каждое мое слово. Конечно, мы денег не увидим. Капитоша найдет кучу вариантов благих дел, на которые спустит часть гонорара. Например, покупка ненужных струн, ремонт несломанных пюпитров и концертные костюмы, которые не менялись уже лет десять, точно. Нас в них и похоронят, наверное, когда придет наш час. Вторая часть плотно осядет в его бездонных карманах.

– Нет, детка. Дуть будете, раздувая щеки, – с Бориса Капитоныча слетела наносная доброта. – Сегодня в час. Адрес скину в СМС.

– А чего я то сразу? – проныла, понимая, что это мартышкин труд. – Вон, отправьте пикалло, или виолончель. Они еще лучше меня все подпишут.

– Виолончель тоже болен, – дернул себя за ворот рубашки начальник. – Магнитные бури сейчас сильнейшие. Дас. А пикколо... Вера, ну ты же понимаешь, что этой дуре не то что подписание контракта, флейту нельзя доверить. Она ее или погнет, или потеряет. Все остальные вообще... Стадо

идиотов. Короче, в час, чтобы как штык была. А я тебе за это...

– Три отгула, когда попрошу, новый стул и ...

– Один отгул и сидушку сменю... И все, – рявкнул Борис Капитоныч. Старый скряга, жлобьяра, жмот. – И попробуй только опоздать. Там такой человек... Ждать он тебя не станет, уж поверь. Обычно его все ждут. Владимир Гродский не тот человек, которого стоит заставлять нервничать. Зверь, акула. Неверова, ты поняла?

– Поняла, Каракула меня сожрет с кларнетом, если я на минуту опоздаю.

Я уныло глянула на дисплей мобильного. Адрес – бомба. Переться придется через весь город, только для того, чтобы какой-то зажавшийся сноб подмахнул мне бумажку с суммой не такого уж и огромного гонорара. Еще и смотреть на меня будет, как на вошь. С презрением и жалостью. От чего-то все эти богатеи считают, что все музыканты нищие и голодные. И из-за этого я сегодня снова пролечу мимо чертовых курсов разврата и слюнотечения. Эх.

Глянула на часы. До часа икс осталось полтора часа. Это значит, что надо брать ноги в руки и бодро нестись, ломая кроссовки, на встречу с великим и ужасным не пойми кем. Шикарный день. Зато хоть может не буду думать о Дюше и том, чем он, возможно, сейчас занимается с этой своей гребаной Писюлькой.

Ослепла, выскочив из темного помещения на яркий сол-

нечный свет, поэтому не сразу оценила масштаб беды. А когда прозрела...

– Вера. Нам надо поговорить, – мне навстречу выступил Андрей. Такой родной, такой понятный. Мой первый. Мой единственный. Сука и изменщик. Вера. Приди в себя. Приди в себя. Приди.

– Не о чем, – рывкнула я, сделав обходной маневр, крепко сжав в руке ручку кофра с кларнетом. – Иди к своей Писюльке. А мне некогда. Я иду сосать свою дудку.

– Вер, да подожди ты, – его ладонь вцепляется в мое запястье. И я готова простить ему все. Все на свете. Соберись, тряпка. Прощать предательство нельзя. По крайней мере так быстро. – Я тебя люблю. Детка. Давай поговорим.

Сердце колотится в ребра, как отбойный молоток. Его губы рядом. Шепчут так привычно, так возбуждающе. И запах... Черт, он пахнет этой сукой. Женскими духами пасёт от моего мужа за версту. Чужими женскими духами.

– Сука! – ору я, ослепнув теперь уже от злости. Я что, я что сейчас... Я огрела моего Дюшу пластиковым кофром? О, Боже. Погнула свой любимый чехол об голову любимого мужа. Прическу испортила красавчику? Господи, куда я качусь? Эдак скоро превращусь в склочную бомжеватую бабу, без принципов, без воспитания и морали.

– Идиотка чертова, – Дюшин рык приводит меня в чувства. О да, так я еще никогда не бегала. – Я все равно тебя заставлю со мной поговорить. Учти, буду по пятам ходить,

пока не выясним... Мне нужны документы...

Я уже не слушаю. Несусь по тротуару, задрав руку. Надо поймать такси. Скорее. Пока... Пока не передумала и не осталась. Так, стоп, какие документы?

Глава 6

– Лера, документы мне принесешь на подпись, – спокойно говорю, но хочу убивать. Эти чертовы сборища действуют на меня как на быка рапира торреадора в боку.

– Владимир Семенович, – дует губки секретутка деда. Пытаюсь представить ее с бантом на... Не на прилизанной голове, короче. Кабинет начинает плясать под ногами, словно в нашем геодезически спокойном регионе случилось землетрясение. – У вас в час встреча.

– Я помню, просто хочу кофе, – выдыхаю я, вцепившись пальцами в разламывающиеся виски.

– Я сделаю сейчас, – улыбка Джоконды на губастой физиономии девки настолько фальшива, что ее можно вешать в музее криминального искусства, вместо экспоната. Бант на ней можно представить только в кошмарном сне. – Вам с молоком?

– Мне с коньяком, – рычу. Не понимая, от чего злюсь на Леру. Она ведет себя профессионально. Грань не переступает. Держит дистанцию. Но... – Хотя нет. Я передумал. Я пойду пить кофе в кафе. Вы мне все настоиграли сегодня в гребаные шишки.

– У вас встреча в час.

– Уволю, – испепеляю взглядом нахалку, но на часы смотрю. Дедов юбилей не то мероприятие, которое можно про-

игнорировать. – И еще, это им надо. Кто музыку заказывает, тот и на коне.

Лифт игнорирую. То, что бурлит в моей крови, требует энергетического выплеска. Поэтому спускаюсь по лестнице, не отвечая на приветствия персонала, снующего по офисному зданию, построенному не в меру активным дедулей. На хрена было строить десятиэтажную халабуду?

– Ой, простите. Я... – что то врезается в меня, со скоростью болида. Мелкого такого, безумного. Я даже не успеваю среагировать. Просто вцепляюсь руками в чертово недоразумение, которое уже сегодня вылетит с работы как пробка из дешевого шампанского и начинаю заваливаться на ступени всей своей массивной фигурой. Черт. Мир взрывается миллионом искр, а сверху на меня падает... Падает легкое тело. – Вы? Вы что, сегодня сговорились все? Какого черта ты трешься вокруг меня? Следил? Признавайся. Или я тебя забью своим кларнетом.

На меня снова смотрят две топлёные льдинки. О боже, я, видать, здорово приложился башкой. Мерещится. И где мои служащие? То не протолкнуться было, а то – как вымерли.

– Вообще-то, это ты приперлась сюда, – хриплю, но при этом размышляю. Девку надо с себя скинуть, дабы не произошло трагедии. – А я тут работаю.

– Охранником? – в голосе малышки звучит издевка, смешанная с интересом. Она что, совсем ненормальная. – Или водилой?

– Мудилой, – бухчу я, все таки скинув с себя эту наглую выдру. – Какого черта ты сюда приперлась? У нас сейчас нет свободных вакансий.

– Слушай, ну прости, – примирительно лыбится эта ненормальная, а у меня яйца превращаются в два чугунных Царь-колокола, звоном которых можно оповещать все здание концерна о грядущем цунами. – Давай помогу подняться. Я пришла к начальнику вашему договор о концерте подписать. Говорят он зверь. Правда?

– Ага, жрет на завтрак баб с бантами на письках, – ухмыляюсь кровожадно. Но выгляжу, наверняка, как дурак. – Проглатывает и запивает кровью девственниц.

Мир вокруг оживает снова, когда она, надув губы, обиженно превращается в колючку. То есть возвращается в свое нормальное состояние.

– Придурок, – шипит эта дикая кошка, глядя, как я отрываю свой костюм. – Попробуй только комунибудь...

– Да кому ты нужна то? – ухмыляюсь я. Послать бы ее к черту. А ведь я могу ей нагадить так, что она на коленях будет ползать передо мной. Возьму и откажусь от услуг оркестра консерваторского. Вот уж ей спасибо скажет весь дудяще-пилящий коллектив. – Хотя, вон тому хлыщу похоже очень даже. Ты просто женщина вамп. Твой котик наверняка замучился отбиваться от желающих подержаться за твой бант.

–Котик? Это не то, что... А в принципе, какая разница?

И вообще, что ты пристал к моему... – скалится дикая кошка, проследив мой взгляд, которым я показал ей на странного мужика, заглядывающего в стеклянную дверь безлюдного в это время дня холла. Парень слишком нервный, какой-то дерганый, прилизанный дрищ. Надо охрану бы позвать, психов развелось...

Додумать не успеваю. Эта ненормальная вдруг подпрыгивает, виснет у меня на шее. Стройные ножки обхватывают мои бедра. Губы... Черт, какой у нее горячий рот. Я хочу... Дышать становится нечем.

– Это мой муж. Ну тот... Подыграй... – шепчет в мой рот чертова Вера. А я и не слышу ни хера вокруг и не вижу. Черт.

– Владимир... Я охрану... Сумасшедшая... – бежит по ступенькам девка с рецепшен. Как там ее...? Бля, не вспомню... Машу рукой. Пусть она свалит. Пусть весь мир на хрен схлопнется. Боже... Чертовы трусы... Чертова мелкая ведьма. Я хочу сейчас совсем не кофе.

– Он смотрит? – шепчут розовые губки, обдавая мои рецепторы леденящим запахом мяты.

– Кто? – глупо спрашиваю.

– Муж мой. Он смотрит?

– Какой муж?

– Ты совсем что ли. Тот, который из-за стекла наблюдал. Жопочка.

– Сама ты Писька с бантом, – пытаюсь выдохнуть я.

– Да нет, я не тебя обзывала. Это так... Неважно...

– Он ушел, – обморочно хриплю. Господи, я, наверное, сойду с ума.

– Ну и славно, – хмыкает Вера, легко соскочив с меня на пол. – Спасибо тебе. Как там тебя зовут? Володя вроде, ты меня второй раз выручаешь. Пойдем, я тебя угощу кофе. С булочками. Пойдем, а? У меня еще есть немного времени. А костюм зачетный. Вам на работе выдают?

– Да пошла ты, – хриплю, пытаюсь прийти в себя. Булочки, блин. Сука, булочки, – Некогда мне кофе пить. У меня встреча в час.

– О, и у меня. Ну ладно, адьос. Раз не хочешь кофе, то...

Она идет по ступенькам, бодро отщелкивая каблучками ритм. Цок-цок, цок-цок. Я ведь не выкинул бант? Хочу совсем не кофе... Вот вообще.

– Владимир Семенович, у вас все в порядке? – снова эта мымра с рецепшен. – Может, все таки позвать охрану?

– Нет. Не надо. Просто сходи и купи мне упаковку трусов и виски бутылку, – задумчиво говорю я, пытаюсь проложить короткий путь к лифту. Идти со вздыбленным копьем и яйцами весом в центнер тяжело и неудобно. – А знаешь, я передумал. Позвони Лере, скажи я не приду на встречу с Дудкой. Сам заеду в косерваторию. От греха подальше.

Глава 7

– Господин Гродский на важном обеде. Он не придет, – скривила идеальные губы секретарша наглого, зажавшегося хозяина мира. Такие же губы, как у Писюльки, даже еще более дорогие, намазанные помадой из «золотой» серии Диор. У меня тоже есть такая, но на моих тонких губешках смотрится она весьма погано. – Вам велено передать, что меценат сам посетит менеджера оркестра. До свидания.

Сижу, обтекаю. Саспенс. Замечательное продолжение поганого дня. Быстро она ко мне интерес теряет. Как к мухе, которой крылья оторвали. А я к такому не привыкла. Не привыкла. Я была сначала папиной принцессой, потом женой преуспевающего адвоката, совладелицей юридической фирмы. И что? Все изменилось в тот самый момент, когда... Когда я потеряла чертов бант, мать его.

– Девушка, я вам сказала до свиданья, – кривит свои шикарные губки чертова хамка. Улыбка фальшивая насквозь. А глаза как два прицела. – Такси вызвать? Или вы на автобусе?

Шах и мат. Меня можно выносить. Точнее, сама я ухожу. Вываливаюсь на улицу из пафосного здания, прижимая к груди кофр с кларнетом.

Погода «шикарная». Ветер кидает мне в физиономию

противные дождевые капли. Кофе. Мне срочно нужно кофе. Тройной. Желательно с ликером. А лучше... Лучше с виски. А еще лучше виски чистый, безо льда, с каплей лимона. Бутылку. Ноги сами меня несут к кафе, находящемуся в нескольких шагах. Такое же претенциозное, как все вокруг в этом чертовом центре города.

– Вера,– Дюша. Мой Дюша. Хочется кинуться ему на грудь и пожаловаться на неприятности. А он погладит меня по голове, как всегда. Разведет руками все тучи над моей бестолковой головой. И мы поедем домой... В наше гнездышко. Стоп, в мое. В мой дом, который мне купил папа, заботясь о будущем своей дочери. А там сейчас... – Вера, да погоди ты. Послушай.

– Что тебе надо? – шиплю. Вспомнив, чем, точнее кем пахнет МОЙ муж.

– Верунь, ну хватит. Только не дерись,– морщится Дюша, не сводя взгляда с покалеченного футляра с инструментом в моей руке.– Я пришел мириться.

– Правда? – хлопаю ресничками. Андрей всегда говорил, что они у меня похожи на бабочек. А я на цыпленка из мультика про «Коро-ко-ко». Говорил. Интересно, что он своей Писюльке поет?

– Да, я ошибся. Оступился. Верунь, давай ...

– Дюша, прощения не просят воняя за километр чужими духами,– хриплю я. Еще совсем немного, и я сдамся. И это будет катастрофой.– Скажи мне только одно – ты же не на

моей кровати ее трахал?

– Вера,– черт, он мне не смотрит в глаза. Не-смот-рит. А так он делает только когда врет. Бля, придется сжечь к херам чертову итальянскую кровать. – Не усложняй. Я тебя люблю. Ну хочешь, ребенка родим, как ты хотела? Я готов.

– Моему ребенку нужен отец-мужик, способный не только носить в штанах яйца, но и признавать ошибки,– хриплю я, загибаясь от боли, рвущей душу.

– Такой, как тот, с которым ты лизалась? – черт. А он умеет быть жестоким и ядовитым. Конечно. Юрист таким и должен быть. Зубастым и кусачим. Но... Не со мной же. – И даже на то, что ты снюхалась с тем амбалом, я готов закрыть глаза, потому что понимаю. Ты мстишь мне. Это такая девчочковая тупая сублимация. Но... мы все преодолеем, детка.

– Дюш, скажи мне, ты только с Писюлькой мне изменял? – горло сдавило, с трудом проталкиваю вопрос, ответ на который, огромными буквами написан на лбу моего мужа изменщика. А ведь я все еще люблю его. Да, и очень хочу ему верить. Очень... Но слишком хорошо его знаю. И венку эту. Что на лбу мужественном его пляшет, знаю. Она бьется, когда Андрей нервничает. А сегодня того и гляди лопнет.

– Конечно. Первый и единственный раз. Это просто... Я не виноват, Верунь. Случайность.

– Зачем ты пришел?

– Прощения просить. В ногах валяться. Умолять.

– Так валяйся, – у меня в душе гулкая, звенящая пусто-

та. – Ну, что же ты не валяешься? Боишься брюки замарать? Ребенок? Ты серьезно думаешь, что я на свет произведу маленькое счастье, чтобы его несчастным сделать? Только потому, что ты решил, что так можно вернуть то, что сам разрушил? Дюша... Вот если бы ты реально приполз, милый, с цветами, с повинной, я бы еще, может, задумалась. Слышишь? – я кричу уже, захлебываясь болью.

– Прекрати, люди уже смотрят. Ведешь себя как истеричка.

– Да, я истеричка. Именно такие жены у кобелей, не помнящих добра. Кстати, фирма моего отца записана на меня, ты в ней просто наемный служащий. Ты ведь не забыл, дорогой?

– Я партнер, – хмурится Андрей, и я понимаю, что попала в цель. Черт, он ведь не ради меня явился. Он... – Детка, мы все наладим. У нас все будет хорошо.

– Да пошел ты, Дюша на хер, – ухмыляюсь я. Из груди рвется истеричный смех.

– Вера, ты переходишь границы, – шипит мой муж, теряя лицо. Он зол. Вон как ноздри раздуваются, того и гляди лопнут. – Извинись, и поговорим.

– Правда? Иди на хер, Дюша. Ой, прости, дальше иди. В эту, как ее. В писюльку. Кстати, а почему Писюлька то все таки?

– Ее зовут Юлия. Юлька–писюлька. Ну и фамилия у нее... – Дюша заминается. Но понимает, я ж не слезу с него

живого, пока не узнаю. А молчать в его ситуации, не лучшая тактика.— Висюлина.

— О боже. Писюлька Висюлина,— из моей груди рвется какой-то дикий, неудержимый хохот.— Дюша, Висюлина для тебя самое лучшее прозвище. Лучше Жопки. И всяко лучше, чем я тебя называла — Котиком и Солнцем. Подходит тебе очень. Ты висюлина, Андрюша. Брехливая, трахливая висюлина.

Господи, что же из меня лезет? Я никогда не позволяла себе говорить с Андреем в подобном тоне. А сейчас меня просто несет по кочкам. И я не могу справиться с этой обидой, вырывающейся из моего рта злыми, противными кляксами.

Я и не успеваю среагировать. Щеку обжигает болью. Он что? Он... Он мне что дал пощечину?

— Успокойся, истеричка. Ты ведь все равно вернешься ко мне, потому что сама не знаешь даже, где у тебя квитанции на оплату ЖКХ лежат. Ты к жизни не приспособлена, Вера. Бытовой инвалид. Кроме дудки своей ничего не умеешь. Ты же богема, вся из себя воздушная.

— Это кларнет,— стону я.— Давно бы пора запомнить.

Сильная ладонь сжимается на моем запястье. Больно. Черт, синяки останутся и не пройдут до концерта. Кошмар. Я дергаюсь. И... Я не знаю, что делать.

— А ну отпусти ее,— прорывается сквозь мой ужас злой знакомый голос. Твою мать, только вот этого громилы сейчас мне и не хватало.— Ты же видишь, что дама не желает с тобой

общаться. Жопочка, я же прав?

— Мы сами разберемся,— обморочно шепчу я, но чувствую себя увереннее. Этот странный парень стал слишком часто появляться в моей жизни. И именно в моменты моего краха и позора. Черт. Почему мне сейчас перед ним так стыдно? Кто он такой, вообще?

— Пошел отсюда, пока я не разозлился. Это моя жена, и у нас семейный диалог,— рычит Дюша. Черт, этот глупый амбал не ведет и бровью. Дурачок, Андрей занимается карате, вот уже пять лет. Каждую пятницу ходит на спарринги. Он же... Он же его убьет. Размажет по асфальту, оставив пятно-силуэт, как в мультике.

—Диалог, это разговор. Ты ударил ее, сука, — рявкнул здоровяк в костюме. Как там его? Володя, кажется.

— А, так это ты мою жену потрахииваешь? Ну вот, все и встало на свои места.

Мерзко. Боже. Как же противно. Я никогда в жизни даже не представляла, что может быть так отвратно.

— Не доводи до греха, Жопочка,— улыбается чертов спаситель, расстегивая пуговицы на пиджаке. Захват Дюши на моей руке ослабевает. Я тут же лезу в карман за свистком. Да, я всегда ношу с собой свисток, папа научил. В случае опасности этот нехитрый инструмент привлекает внимание окружающих, и действует на нападающих как триггер. А я дочь послушная. Я всегда делаю то, что мне говорят любимые мужчины. Я...

– Ну, извини, парень, сам нарвался, – мой всегда спокойный муж похож сейчас на носорога, аж глаза кровью налились.

Боже, да где этот гребаный свисток? Я ж без него из дома не выхожу.

А потом... Хочется сбежать. Просто закрыть глаза, заткнуть уши и бежать ломая Машкины балетки. Но, еще немного приятно, конечно. За меня еще никто не дрался.

Дюша бросается на бомбилу молча. Я даже не успеваю взвизгнуть. Зажмуриваюсь, страшно видеть как он ударит несчастного, заступившегося за меня здоровяка. А когда глаза открываю... Дюша на асфальте лежит. А Володя... Рассматривает свой содранный кулак.

– Не надо мужик, – улыбается он, глядя на Андрея, поднимающегося на ноги.

Нет свистка, блин. Но я же умная. Найду выход из любой задницы, как говорит Мака. Кофр открывается не сразу. Замок я повредила об голову любимого мужа, которого надо срочно спасать. Да, кларнет даже лучше, чем свисток. Громче. Я даже успеваю мундштук обхватить губами и издать несколько протяжных нот вступления к Марсельезе, прежде чем мир взрывается миллиардом искр. Ничего себе сила искусства. Сногшибательная и походу, зубодробительная.

Глава 8

– Я этого так не оставлю, – зло выплевывает прилизанный хлыщ. А мне навалить на него из под хвоста. Я смотрю на чертову девку, валяющуюся снова на асфальте. Это уже становится какой-то извращенной традицией. Она лежит и смотрит в небо, обхватив губами мундштук какой-то дудки. Я не разбираюсь в духовых инструментах. И если честно, если бы не дед, сроду не стал бы шляться по концертам камерной музыки. – Нападение. Хулиганство, избиение. Это срок, самый натуральный.

– Слышь, дурачок. Скорую вызови, – хриплю я. Угрозы этого подонка меня волнуют сейчас очень мало. – Твоя жена, так-то на земле валяется, и не подает признаков сознания. Может, сотрясение у девки.

– Она их вообще не подает никогда, раз с тобой связалась. Сознание у Веры, как у Гупешки. Я лучше полицию вызову.

– Ага, давай. Как раз и расскажешь им, как ты жену свою вырубил.

– Это ты виноват. Ты меня толкнул. Я просто... – надо же, визжит мужик. Истерик, мля. И как вот это можно любить вообще? У девки то с головой видать и правда беда.

Вот сейчас у меня есть желание продолжить воспитательный процесс. Усилием воли сдерживаю свой горячий порыв наломать этому хлысту так, чтоб он имя свое забыл. Кара-

тист, епта. Ван Дамм комнатный. Но гонору море. Надо пробить, что за птица... Черт. А на хрена мне эта информация? Я явно тронулся. Срочно к психоаналитику. Бегом просто.

– Ты зачем дудела? – спрашиваю, склонившись к Вере, которая уже моргает своими удивительными ресницами, похожими на крылья каких-то экзотических бабочек. Очнулась, слава богу.

– Чтобы он тебя не убил, – кривится эта дурында. Чертовы льдинки в ее глазах сейчас острые, как осколки зеркала снежной королевы. – Андрей каратист, у него спарринги каждую пятницу.

Чуть сдерживаюсь, чтобы не рассмеяться. Кого может убить этот слабак?

– Ага, ходит спариваться. Слабак твой Жопочка. Только с бабами воевать может, – хмыкнул я. Зря. Лицо глупышки вытягивается, она что, реветь собралась? Черт, вот я идиот. Ударил ее по больному.

– Слушай, ты чего пристал ко мне? – зло шипит Вера, приняв сидячее положение. – Что ты лезешь все время, защитник? Мне не нужно твоей помощи. Я ее просила? Или, может, сигналы тебе посылала какие? Тот поцелуй не в счет, я просто воспользовалась тобой, чтобы насолить мужу. Без соплей, как на льду. Понял. Сделай так, чтобы я больше не видела тебя в радиусе километра. А то мне придется... Мне придется... Накатать на тебя заяву, вот. И я не баба, понял?

– А кто ты? Мужик? Баба ты писькобантная. Я думал, что

ты меня по крайней мере поблагодаришь, – рычу, борясь с желанием укусить эту злюку за оттрюненную упрямо губку.

– За что? За спасение? Тоже мне, доблестный рыцарь Айвенго на голубом коне. Из-за тебя у меня вообще вся жизнь сейчас развалилась. Андрей не простит унижения. И теперь он точно уверен, что я ему с тобой изменила. Зуб еще... Футляру конец. Капитоныч меня убьет, потому что твой козлячий начальник не подписал мне документ. Падла он и гад. Как таких только земля носит, уродов? Он жирный, наверняка, уродский и отвратительный боров. И вообще.

– Так ты сама же на мне повисла, – от такой наглости у меня появляется непреодолимая нужда придержать руками отпадающую челюсть. – Целоваться полезла, как пиявка присосалась, а виноват я?

– А кто же еще? Мог бы и увернуться, – надо же, фырчит она, как рассерженная кошка. – Так что вали давай. Тебя, наверное, уже ищет рабовладелец твой.

– Дура ты бешеная. А начальник мой красавчик, брутал и ненавидит самолично общаться с челядью. Так что оценил тебя по достоинству, даже не видел. И вообще... Да пошла ты. Что я, в самом деле? Нравится тебе по морде получать от этого хилого упыреныша – вперед. Или, может, это игры у вас такие? А что, после банта удивляться не приходится. А то боров мой начальник, а ты беляночка, мать твою. И Жопочка твой вот прям не герой совсем. Но... Видимо, какие сами, такие и сани. Так ведь? Вера-мегера, – ох, как мне сейчас

хочется перекинуть ее через колено и отодрать ремнем, как сидорову козу. – А муженек твой любезный сбежал. И честно говоря, я его понимаю. Вот беда то. Каратист, мля, трахучий.

Она осматривается по сторонам, с таким выражением растерянности на лице, что у меня сердце сжимается. Заревет сейчас. Носом вон шмыгает. Да и черт с ней.

– Сам пошел, – пыхтит Вера, поднимаясь на ноги. – И не подходи ко мне больше. Вообще, даже не дыши рядом. Холуй боровский, боровячий, боровинский, свинохрячий, короче. Не важно. Я – челядь... Я... Сам то.

Ну и ладно. И хорошо. Мне тоже наплевать. Дурак, ввязался в драку. Ради кого? Дура с дудкой. Кстати, мне сейчас надо в консерваторию. А потом... Пожалуй, стоит посетить моего психотерапевта. Иначе четыре года его работы накроются медным тазом. А потом... Потом я устрою такой бордельеро, что чертям в аду станет тошно.

– Ну и вали. Тоже мне, золотой бант всяя королевства.

Резко развернувшись, иду к машине, слушая за спиной торопливые легкие шаги. Пошла она. Дуделка, блин. Черт, но как она дует в этот свой кларнет, обхватив губами...

Так, все. Сейчас разберусь с делами и... Господи, как у него так получается? Телефон заставляет меня вздолгнуть. Дед. Он словно всевидящее око, от которого не скрыться. Саурон старый, мать его.

– Вова, заедь домой, пожалуйста.

Меня этим тоном не обмануть. Дед в ярости. Дед вышел

на тропу войны, откопал томагавк и жаждет содрать с меня скальп.

– Что случилось? – в тон любимому родственнику говорю я, понимая, что не удастся соскочить.

– Да нет, соскучился я. Дело то стариковское. Чайку с казинаками пошмыркаем, о делах наших покалякаем. Ты мне расскажешь что делаешь для того... Чтобы провалить к херам сделку всей моей жизни – отставляю от уха орущую дедовым голосом трубку. Черт. Да что произошло то?

Глава 9

Дополнение к списку №1

Сходить к стоматологу, починить отколотый зуб.

Не загнуться от злости (в приоритете)

Сходить на встречу с Андреем (он позвонил, просил его выслушать)(?????)

Купить новый кофр для кларнета.

– Он не пришел. Не пришел, понимаешь? Чертов сноб, из-за которого мне пришлось столько унижений вытерпеть, просто меня проигнорировал. Да что эти зажавшиеся толстосумы о себе мнят? Жирный боров, обедать пошел, не нажрется никак. Конечно, на фига лишать себя удовольствия ради какой-то свистульки? Позвонил и передал через свою секретаршу, что с челядью разговаривать не намерен. Так и сказал, – прорыдала я, трясясь как чихуахуа на морозе. Только не от холода, а от нервной злости и обиды. – Челядь – это я, если что. Ты бы видела, как на меня смотрела эта горгулья. И как орал потом Капитоныч. Боже, Мака, во что превратилась моя жизнь? Во что? Я была женой преуспевающего адвоката. Ну дудела себе на своем кларнете для удовольствия. А теперь...

– С зубом что? – приподняла бровь Машка, пристально разглядывая мою, держащуюся за разбитую губу, персону. Черт, ее только это интересует? То, что я растоптана, униже-

на. И совсем плевать мне на незнакомого хама миллиардера. Просто Дюша... Воняющий чужими духами Дюша прямо среди улицы отвесил мне оплеуху за поцелуй с чертовым водилой. Значит, зацепило его. Ревнует. Но.... Он сегодня был другим. Не милым и заботливым, а страшным и злым. И я впервые в жизни засомневалась в его непогрешимости. Но не признаваться же Машке в этом позоре. Главное, сам он трахается черте с кем, а мне нельзя, оказывается. Я все еще его жена. Да и Вова этот хамливый. Чтoб он век за своим хряком-шефом портфель таскал с документами. Тоже мне, холуй королевский.

– Я от Дюши убегала, кларнетом зуб отколола, – нехотя отвечаю, наблюдая, как бровь моей подруги продолжает ползти вверх, почти к самой линии волос. Не буду ей рассказывать ни про драку, ни про Володю – дебилодю. Ни про то, что сама дура последняя.

– Ты бежала, играя на инструменте? Надеюсь, похоронный марш по этому гаденышу?

– Нет, просто кофр сломался об... Не важно, – выдыхаю, чувствуя, что меня начинает отпускать нервное утомление, тут же сменяясь апатией. – И этот еще, бомбила. Я его поцеловала сегодня. Взасос. Чужого мужика, на глазах у родного мужа. И этот подонок... Черт... Он залез в мой рот своим языком.

– И тебе понравилось, – скалится Машка. Это не вопрос, она, сучка, факт констатирует.

– Чуть не блеванула, – пыхчу я. – Маш, ну что может быть приятного в поцелуе с мужиком, которого я едва знаю? А потом, мы с ним из разных социальных слоев. Моветон же. Я не ханжа, но...

– Новизна, – голос Котки, вошедшего в кухню, кажется предтечей приезда коня бледного. – У твоего низкосоциального пинжачок Бриони, педали от Лоренцо Кавалли и прическа, созданная руками очень хорошего мастера.

– Им на работе костюмы выдают. Он водила у толстосума, – кривлю я губы. Нет, я считаю, что все работы хороши. И нет позорных дел. Но... Мы разные совсем. Из разных миров. С разными ценностями. Ну что он там в «шестерке» своей слушает? Явно же не Моцарта. Шансон, наверняка.

– Вер, а мне найди такую работу, – хмыкает Котик. – Поговори со своим водилой. Может, протекцию мне составит. Я не такой принципиальный, как ты.

– Иди уже, – шикает Мака на сына. – Опоздаешь везде и всюду. Работник, блин. Универ закончи, для начала. Мать горбится тут, сынулю за уши тащит. А он...

Я провожаю взглядом шкафоподобную фигуру моего крестника. Машка изгорбилась, ага. Прямо скрючило бедолагу от тяжелой. Непосильной работы в канцелярии консерватории. Тяжелее ручки не помнит уже, когда поднимала. Черт. Взгляд на часы падает. Пять часов вечера. Через час первое занятие курса «Оральные секс, как искусство»

– Мака, у меня к тебе просьба, – нервно шепчу я. – Мо-

жешь со мной сходить на один тренинг? Я все оплачу. И инвентарь, и сам курс. Только это... Ну... Не смейся.

– Вера, я с тобой давно ничему не удивляюсь, – улыбается подруга. Все таки клевая она у меня. Лучшая. Раритетная даже. – Ладно, только список свой покажи, чтобы знать, к чему готовиться. А то, может, ты меня на курсы выживания в Аду приглашаешь, с последующей практикой. А я пока не готова. Надо Котьку на ноги поставить. То, се... Пятое, десятое. Лет тридцать еще. Думаю не заглядывать в гости к Аиду, прости господи.

Машка пробегает глазами по криво нацарапанным мной строчкам. Потом молчит минуту. Откидывается на спинку стула и начинает хохотать. Нет, даже не так. Она гомерически ржет. Интересно, что ее так насмешило? Неужели мое желание встретиться с юристом?

– Боже, Верка, – стонет Мака, растирая тушь по лицу кулачками. – Ты, кларнетистка, пойдешь учиться сосать свисток за деньги? Это просто...

– Да, потому что максимум, на что я способна, это в этот хм, свисток, дунуть. Но это вряд ли будет приятно мужчине. У меня объем легких, как у профессионального аквалангиста, и... Короче, я грелку могу лопнуть, а оральные ласки не умею и не практикую, – уныло вздыхаю я. – Ну что, пойдешь со мной? Сегодня первое занятие. Дюша же сказал... Черт, Маш, я понимаю, что он козел и скот, но так скучаю. Я же от отца сразу к мужу переехала. Думала так всегда будет. Лю-

бовь, счастье, все такое. А тут... Ладно, забей.

– Вводное, – уже задыхаясь от смеха воет Машка, пропустив мимо ушей мои слова про Андрея. И слава богу. – Конечно, пойду. Я не могу пропустить такое шоу. Это ж где такое увидишь еще – двадцать взрослых баб с искусственными приборами за щекой? Форма одежды какая? Кожа и бондаж?

– Обычная, – обиженно гнушу я. – И это. Потом еще в магазин за продуктами забежим. Я буду учиться готовить.

– О, нет, – испуганно шепчет Машка, тут же растеряв всю свою веселость. – Нет, умоляю. Мы с Котькой еще гастрит не долечили, после твоих драников. И потолок не покрасили. Вера, умоляю... Черт, лучше в Ад, в Тартарары. Прямо на сковородку.

– Не бойся. Это просто интимная кухня. Будем афродизиаки пробовать. Будет весело, – слишком уж жизнерадостно мой голос звучит. Надо сбавить обороты.

– Этого то я и боюсь, – кривится Машка.

Через час мы нарядные, как на парад, чешем по улице, словно за нами гонятся адские всадники. Маша похожа на помидорину. Я по цвету, наверняка ее обогнала. Потому что щеки горят, будто их натерли кайенским перцем.

– Вер, а инвентарь нам самим надо будет приобретать? – шепчет Машуля. – Слушай, я в жизни в секс-шоп не ходила. Я ж мать семейства. Вечно ты меня втягиваешь.

– Ой, да ладно. Подумаешь, магазин, где письки продают, – пытаюсь звучать жизнерадостно, улыбаюсь я. Хотя, ес-

ли честно, моя затея уже не кажется мне такой уж шикарной. Да и кому я буду свои умения демонстрировать? Дюша же... Черт. Я ведь все еще хочу его вернуть? По крайней мере, он увидит. Кого лишился и чего. Жалеть будет еще, сука ненаглядная. – Зато мы с тобой научимся... Так, погоди, вот мне тут список прислали, что к первому занятию надо купить. А магазин тут, в соседнем здании. Я в интернете адрес нашла. Пойдем, Машка. Нас все равно никто тут не знает. Можем маски надеть, если хочешь.

– Что ж ты раньше не сказала, у меня Котькины с утренников на антресолях завалялись. Там вроде маска кинг-конга была, и зомби людоеда. Давай вернемся. А завтра...

– Машка, ты меня бесишь. Медицинские маски. Медицинские. Не обезьяны и мертвяка. Хотя, мы бы наверняка произвели фуррор, – шиплю я, замерев возле магазина, вывеска которого светится в полумраке вечерней улицы совсем как-то развратно и по проститутски.

– Безумству храбрых, – вздыхает моя подруга, вцепившись в бомбошку дверной ручки скрюченными пальцами. – Боже, хоть бы Котька не узнал, чем его мать под старость лет промышлять начала. Если он узнает – я тебя убью.

Хорошо бы. Прямо сейчас. Лучше сдохнуть от рук подруги, с видом храброго героя, чем от стыда, между витрин с искусственными пенисами и вагинами.

Да, точно. Это лучший выход. И нее придется идти домой за паспортом, без которого до курсов меня не допустят.

В мою квартиру. Туда, где... Где... Черт. Кому я вру? Себя очень трудно обмануть. Я хочу туда, в душе надеясь, что получу доказательства того, что Андрей все еще меня любит. Что он, действительно, просто оступился. Что мой дом, все еще моя крепость. Что я не совсем идиотка, в конце концов. Хотя, в свете последних событий, данное убеждение под ооооочень большим вопросом.

– Без масок,— твердо говорю, ухватившись за дверную ручку в форме... Ооооо.

Глава 10

– Вова, ты снова взялся за старое? – взгляд деда похож на прицел киллерской винтовки. Силен старик, не будь я его внуком, давно бы в штаны наделал. Интересно, что его так взъярило? Неужели то, что я не пришел на встречу с чертовой дудкой?

– За старое только ты теперь берешься, дед, – ухмыляюсь я криво. – Каждый раз, когда ходишь по нужде. Ты меня для этого от дел оторвал?

– От каких, позволь спросить? От драки с адвокатишкой дешевым? Или от сбивания терпил на моей коллекционной тачке? От какого конкретно дела я тебя оторвал, Вова? Китайцы при первом же шухере от сделки откажутся. Достаточно крохотного «эль скандаль» и о кластере можно будет забыть. Эти картавые хунвейбины принципиальные, пошлют нас на хрен и все, Володя. И тогда...

– Дед...

– Мне жестянщик звонил, которому ты «ласточку» мою оттаранил. Слишком уж характерные повреждения у «шестерочки». Кого сбил, внучек? Только не свисти мне про коз и прочий рогатый скот. На капоте от жопы след. Бухал?

– Девку, – нехотя бурчу я. Отпираться бессмысленно. – Она выскочила мне под колеса. Я ехал медленно, так что... Дед. Ты же знаешь. После того, как... Как я Ленке позво-

лил за руль сесть? Не помню. Мля... Я ее любил, слышишь? Черт, я четыре года за руль не садился ни трезвый, ни пьяный. Мне в мозгу твой спец ковырялся, чуть ли не чайной ложкой. И ты думаешь, что я бы все это похерил? А прилизанный этот черт сам нарвался. Интересно только, какая сука тебе доложить успела?

– Интернет, Вова, классная штука. Я вот в молодости, когда крапиву палкой бил, даже представить не мог, что такое чудо бывает. Сяо Ли прислал на почту интересное видео. Ты прямо гладиатор, внук.

– Тогда ты видел, почему я в драку полез. Этот урод ударил женщину, – ухмыляюсь. Все он под микроскопом рассмотрел, старый пес. Иначе давно бы я уже валялся освежеванный на полу, вместо медвежьей шкуры

– Бабы доведут тебя до цугундера, Вольдемар. Но вообще, правильно ты этого хлыща уработал. А девочка ладненькая. Видел я ее где-то. У нас работает? – хмыкнул дедуля. Я молчу. Господи, хоть бы он не узнал эту ведьму. Не досмотрел, значит, дедуля киношку. – Короче, мне похуйвенбину, как ты будешь заминать свои косячины. Сделка должна быть завершена. С оркестром что?

– Заеду к менеджеру. Был занят, не мог встретиться с представительницей.

– Занят он был, кулаками махал, – ворчит дед. Но видно, что уже спокоен. – И эту, с отбитой жопой, найди, денежек ей на лечение отсыпь. Для кармы полезно.

Я молчу. Не стоит рассказывать дедуле о том, что у меня все проблемы то от одной единственной мелкой выдры, с бантом на письке.

– Хорошо. Я свободен?

– Да... Хотя. Подожди. Про Лену... Володя, не буди воспоминания. Там просто стечение обстоятельств было. Невеста твоя дурная была, зачем полезла за руль пьяная? Ты не виноват. Сам чуть выкарабкался, она и тебя чуть не угробила дура эта. Так что...

Да, стечение. Просто мы с ней были одинаковые – безбашенные, зажавшиеся, считающие себя королями мира. Черт... Меня ждет сеанс у психолога. И он мне нужен. Срочно.

Вдыхаю пропитанный выхлопными газами, пылью и еще какой-то дрянью воздух, пытаюсь освежить взбудораженные мысли. Надо пройти пешком. Просто для того, чтобы проветриться. Черт, а без машины хорошо. Дед ведь специально заставил меня перегонять свою лайбу. Все пытается меня вернуть к нормальной жизни. А я... Черт, если бы не бант у Веры-холеры на письке, хрен знает, в какие глубины своего ада я бы провалился, когда ее сбил.

– Это было круто, – словно выстрел в спину. Восторженный голос. Надтреснутый с легкой хрипотцой. Да не может быть. Это же просто невозможно. Ну не бывает таких случайностей. Такое чувство, что я постоянно нахожусь под, занесенной над моей головой, секирой судьбы. – Мака, я в вос-

торге. Мы с тобой просто... Безбашенные оторвы.

От неожиданности я резко останавливаюсь. Интересно, где ее Мака был накаченный, когда Веруне морду бил ее муженек винторогий. Вот прямо хочется обернуться и спросить. И откуда она опять взялась? Не с неба же свалилась. Хотя. Чему бы удивляться? Магазины в этой части города отсутствуют. Кроме, разве что... Да ну, на фиг.

– Мака, я раньше и не представляла, что это так интересно, – чувствительный удар в мой незащищенный тыл. Это уже становится какой-то идиотской традицией. Рано или поздно я точно сдохну, разбив башку, после ее очередного нападения. Боже, ты мне в наказание послал эту бантастую торпеду? Если да, то, пожалуйста, просто сразу порazi меня молнией в макушку. Это будет не так мучительно.

– Простите, – уже привычно слышу я. – Ты? Снова ты? Ты за мной следишь, признавайся?

– Успокойся. Я тут просто по делу, – кривлюсь, осматриваясь в поисках качка. Но рядом вижу только женщину, довольно таки обыкновенную, рассматривающую меня как мадагаскарского таракана, с долей отвращения, но и интересом.

– По какому, интересно знать? Извращуга чертов. Я тебя предупреждала? Так что не обижайся.

– Слушай, а муж твой был прав. Ты истеричка с мозгом рыбки гупешки, – ухмыляюсь, не сводя глаз с ее дрожащей губки. – Как он там, кстати? Ты его приласкала и пожалела?

Ой, прости, ты же рога не наточила еще, иначе я бы уже помирал, пронзенный твоими витыми сохатками. Или наполировала, что ты там с ними делаешь? И где твой котик Мака?

– Мой котик Мака стоит в метре от тебя, – шипит разъяренной кошкой Вера. – Но все это тебя не касается вообще. И вообще, иди отсюда, а то...

– А то что? – приподнимаю бровь. – В свисток дунешь?

– Представь себе, – вот же нахалка. Она мене язык, что ли, показала? Точно. И в пакет полезла свой. – Тут нет. Машка, я, наверное, в твой пакет кинула. Дай.

– Нет, – обморочно прошептала подружка этой чертовой фурии. Но видимо, проще паровоз остановить, несущийся на полном ходу, чем это ходячее оружие массового поражения. – Молодой человек, уходите.

– Дай сюда, – прорычала Вера, дернув на себя бумажную торбу, болтающуюся в руке ее спутницы. – Он маньяк. Я тебе клянусь. Если не остановить, то однажды я не вернусь домой. Найдете меня разобранной на части. Я в тот пакет бросила свисток, точно. Дай.

– Нет, – прорыдала бабенка, вцепившись в торбу, как в спасательный круг несчастный утопающий. – Верунь, не надо. Боже.

– А ну, дай ей свисток. Пусть хоть обсвистится, – ну вот почему я схожу с ума, когда вижу эту идиотину с ледяными глазами? И пакет этот чертов я дернул на себя только для того, чтобы этой дуре указать ее место. Но... Пакет мерз-

ко затрещал. Просто отвратительно. К моим ботинкам свалился... Твою мать, лучше бы я не видел того свистка, который достаточно больно ударил меня по большому пальцу ноги. Сука...

– Это что? – прохрипел я, чувствуя себя героем тупой кинокомедии. Это свистки у вас такие? А маньяк я? Охренеть просто.

Глава 11

Господи, какой позор. Этот чертов придурок наверняка подумал обо мне черте что. Хотя. Отчего я так переживаю? Кто он? Я его знать не знаю. Видела три раза в жизни, ну или четыре. И все равно это не повод...

– Вера. Не надо,— простонала Мака обморочно. Но... У меня есть очень дурная особенность. Не могу остановиться, когда меня начинает нести по кочкам верхом на нервном идиотизме. И в период столь сильного душевного волнения, я начинаю закапывать себя все глубже, но ничего не могу поделать с прогрессирующим отключением центральных рецепторов части мозга, отвечающей за адекватность.

– Одни проблемы от тебя,— прошипела я, выставив вперед руку, с зажатым в ней... Черт, что у меня в ладони? Дубинка что ли? Но откуда? О нет... Нет, нет, нет... Как это оказалось в моем кулаке? Когда я успела то? Какой позор. Провалиться бы под асфальт, просочиться вон в ту трещину и ...

– Вера, пожалуйста, пойдем,— гнусит Мака, где-то на грани моего обостренного на нервно почве, слуха.— Люди смотрят. И на курсы мы опоздаем.

Люди. Точно, прохожие, обходящие мою растрепанную персону по кривой дуге. Вокруг люди, и я стою посреди улицы, как Люк Скайуокер. Но в руке у меня не лазерный меч, а искусственный член из киберкожи. Супер реалистик. Кста-

ти, в темноте он тоже должен светиться. По крайней мере так мне сказал миляга консультант.

Только сейчас в мое мировосприятие начинают возвращаться звуки и запахи. Боже, я наверняка похожа со стороны на сумасшедшую, сбежавшую из поднадзорной палаты.

– Не подходи, – проныла я, глядя на фигуру чертова бандита – драчуна, победителя кратистов, делающего маленький шаг в мою сторону. – Что тебе надо от меня? Ты и так мне всю жизнь сломал. Мужа избил моего, язык свой сунул мне в рот, бант еще... Где мой бант, кстати? Или ты на него сублимируешь?

– Я сломал? Я? Надо было смотреть, как этот упырь тебя лупит? Или бросить тебя голой на дороге? Ты с бантом на письке произвела бы неизгладимое впечатление на какогонибудь дальнбоя. А язык, между прочим, ты в меня записала, до гланд, мать твою. Бант твой у Котика. Я в него его метнул прицельно. Нашля сублиматора, бя.

– Подожди, тебя Дюша ударил? – вступает с сольной партией Мака в нашу содержательную беседу. – Вот сучий хвост. И ты мне не рассказала? Это он тебе зуб отколол? Да я его...

– Хрюша, мля. И чего это я должен не подходить? Что ты сделаешь? – голос Володи дрожит от злости. – Свистнешь в свою волшебную палочку, Гермiona и оседлав ее улетишь в свой волшебный дивный мир. К храброму котикку Маке, не способному защитить свою любовницу. Вы там что, ор-

гии практикуете, на Калинина пятнадцать? А клуб закрытый, или можно записаться? Или может у вас как в Бойцовском клубе правила есть? Ну, типа, никто не должен знать о клубе. Или нет, во время оргий вы практикуете художественный свист и поэтому вход только для адептов?

– Не подходи, фантазер, – рычу, делая выпад зажатой в руке «инвентарем». – Предупреждаю один раз. Затыкаю этой штукой, мама родная не узнает. Запыряю, как бог черепаху. Беги лучше, и больше не попадайся мне на пути, Вова.

– Была охота ноги ломать, – фыркнул этот несчастный и ... Ушел. Просто взял, обошел меня, как статую придурочной гарпии и зашагал по тротуару, потеряв интерес. А я... Я так и стала стоять в позе х..., ху..., хренового фехтовальщика, короче.

– Мда, – хрюкнула Машка, глядя как я размазываю по лицу злые слезы. – Я думала, что позорнее похода в секс-шоп, со мной сегодня ничего не произойдет. Почему ты мне не рассказала, что твой подонок муж тебя ударил?

– Он не ударил. Просто залепил мне пощечину, чтобы остановить истерику, – всхлипнула я. Черт, я всегда осуждала женщин, которые терпят побои и унижения от мужей, защищают тиранов и продолжают их любить. А сейчас сама оправдываю Андрюшу, потому что... Я не знаю, как жить дальше. Не умею. Сначала папа тащил меня по жизни. Один, маму я не помню. А потом... Андрей был лучшим студентом курса юридического университета, в котором папа пре-

подавал юриспруденцию. Хороший мальчик, отличник, красавец. Да у него была масса вариантов, такие красотки вились вокруг моего мужа. Но выбрал он меня. Говорил, увидел и пропал. Папа нас и познакомил. А я влюбилась. Сразу как кошка. Почему? Да потому что, кроме папы и ненавистного кларнета в моей жизни не было мужчин. Потому что Дюша был для меня рыцарем из сказки, который помог мне выбраться из драконьего замка, почувствовать себя принцессой.

– Ты никогда моего Дюшу не любила,— хлюпнула я носом, и вытерла щеки рукой, в которой все еще сжимала дорожный инвентарь для курсов.— А знаешь что? Я стану сексуальной стервой, полностью апгрейднусь и... Утру нос этой сучке писюльке. Дюша сгрызет локти, осознав, какую ягодку потерял. Я его обескровлю, высосу, а потом ...

– Потом снова сунешь в петлю свою голову,— вздохнула Мака.— Но, знаешь, учиться надо на своих ошибках, чтобы понять всю степень своей слепоты. Так что, вперед. Мы еще успеем на первое занятие сосальных курсов. А Вова мне понравился. Хороший мужик. Прямо вот мужик, а не... Ай, ладно, идем. Зря что ли столько денег в твою авантюру всадили.

– Пфффф,— фырчу я,— Вова этот нахальный, наглый, самоуверенный павиан. И мне он неинтересен. Вот вообще.

Если честно, я даже не знаю почему, но к Вове я не совсем равнодушна. Он меня бесит, раздражает, доводит до белого

каления. Он неоднократно видел мой позор. Всегда оказывается там, где я в очередной раз лажаю. И всегда он гребанный герой, а я тупица и жертва. И это жутко выводит меня из себя, потому что Машка все же права. Он вызывает во мне чувство признательности и еще чего-то совсем мне не нравящегося, ненужного и абсолютно бесперспективного. Чертов Вова. Надеюсь мы больше с ним не встретимся. Ну скажите, какой шанс в городе миллионнике в пятый раз столкнуться с этим придурком, считающим себя пупом мироздания? Бомба же не может в одну воронку летать, как на работу?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.